

В мире, где носитель особых признаков равен магу, а чем ближе его кровь к доминантной, тем сильнее магическая сила, кронпринц Адриан родился с поистине беспрецедентной мощью. С основания государства носители доминантных признаков вступали в брак между собой, сохраняя чистоту крови, так что подобный исход был почти предreshён.

Но именно из-за этого кронпринцу пришлось провести одинокое детство. Альфы и омеги воздействуют друг на друга феромонами и притягиваются ими. Слабые омеги задыхаются под напором феромонов сильного доминантного альфы, поэтому император распорядился оградить кронпринца от контактов с другими омегами. Когда способность кронпринца контролировать собственные феромоны достигнет приемлемого уровня, тогда ему и подберут пару. Все альфы императорской крови в прошлом проходили примерно тот же путь.

Однако по мере того как в империи, где поощрялись свободные отношения, носители признаков всё чаще вступали в брак с обычными людьми, число альф и омег — за исключением императорской семьи и части знати — стало стремительно сокращаться.

И на этом фоне в Линдберге произошло нечто удивительное: у рецессивного альфы и доминантной омеги родились сразу двое доминантных детей — альфа Лея Линдберг и омега Карл Линдберг. Особенно много слухов ходило о принце, который, как говорили, был экстремально доминантным даже среди доминантных омег, из-за чего его всерьёз рассматривали как будущую кронпринцессу Хенекена.

Но первая встреча оказалась настолько ужасной, что стала и последней.

Имперский кронпринц, доминантный альфа, сильнейший после самого императора. Если вспомнить десять лет, в течение которых он в одиночку нёс этот груз, то хорошо, что Карл Линдберг наконец-то пришёл в себя.

Тем не менее Белфри относился к этому скептически. Ни прежний принц, ни нынешний, если говорить честно, на роль будущей императрицы не тянули. Место императрицы — это ведь не только про внешность. Нужно обладать выдающимся умом и соответствующей магической силой.

Принц, с которым они встретились в этот раз... хм. Даже Белфри было трудно дать ему точное определение.

Но если кронпринц настаивает, тут уж ничего не поделаешь.

— И всё же, как бы вы ни говорили, после приезда принца вы встречаетесь с ним почти каждый день, не так ли? — упрекнул Белфри, начиная с этой самодовольной ухмылки и заканчивая разговорами о доверии.

— Он милый и забавный, — хихикнул кронпринц, и на одной щеке у него появилась глубокая ямочка.

— Признаю, когда он ни с того ни с сего подошёл ко мне и сказал: «Вы — кронпринц Адриан, верно?», я и сам едва не рассмеялся.

Это было тогда, когда принц, который десять лет не подавал никаких признаков жизни, внезапно прислал письмо в Хенекен. Сначала, разумеется, решили, что это какая-то глупая выходка. Но грамматика на общеимперском языке, которую, по слухам, принц, помешанный лишь на уходе за внешностью, написал безупречно. А содержание письма и вовсе трудно было приписать ему.

Краткая просьба передать под опеку Лею Линдберг и Карла Линдберга ради будущего Линдберга, но расплывшиеся пятна чернил между строк ясно показывали, что автор письма долго и мучительно подбирал слова.

□Линдберг наконец показал своё истинное лицо.□

Белфри прекрасно помнил, каким свирепым было выражение лица кронпринца, когда он скомкал то письмо. Тогда он решил, что Линдберг вскоре исчезнет с карты.

Однако принц, которого они встретили по прибытии, оказался совсем не таким, как ожидалось. Говорили, что у него в глазах яд и что он цепляется ко всем подряд, но перед ними стоял юноша с аккуратными чертами лица и напряжённым взглядом.

Он неспешно подошёл, протянул руку для рукопожатия и сказал Белфри: — Вы — его высочество Адриан?

Когда вслед за растерявшимся Белфри вышел кронпринц, ладонь принца вспотела так, что это чувствовалось отчётливо.

— А когда потом он посмотрел на меня, ты видел его лицо? И глаза, и рот — всё округлилось. По-моему, это было довольно мило, — снова захихикал Адриан, вспоминая тот момент.

«И где тут “довольно мило”? Да он просто без ума», — ехидно подумал Белфри.

После прибытия в Хенекен принц вёл себя странно буквально во всём. Тот, кого растили как сокровище и кто наверняка никогда не пачкал рук, постоянно помогал слугам. Он бегал наперегонки с рыцарями, смешиваясь с ними.

Впрочем, это было не так уж плохо. Даже Белфри, который вечно страдал от нехватки движения, видел, что физическая форма принца оставляет желать лучшего. Лучше уж сейчас укрепить тело, чтобы потом меньше мучиться при родах.

Того, что его собственные мысли тоже полностью заняты принцем, Белфри не осознавал.

— Когда я внезапно навещаю его, а он начинает метаться взглядом от смущения — честное слово, хочется проглотить его целиком, — кронпринц обнажил острые, типично клыки для альфы.

Белфри в сотый раз подумал, как хорошо, что он бета. После приезда принца, говорили другие аристократы, от кронпринца исходил куда более опасный аромат. Какой запах у самого принца, он не знал, но, по крайней мере, Его Высочеству он явно был по вкусу.

— Что ж, это к лучшему. Хорошо, что вы благоволите принцу, — сказал Белфри.

По крайней мере, так кронпринц выглядел куда лучше, чем когда крушил все тренировочные деревянные мечи на плацу или неделями запирался, якобы изучая магические кристаллы. Теперь бы ещё взяться за работу всерьёз...

Белфри демонстративно шлёпнул стопку документов рядом с ногой кронпринца, но тот даже не посмотрел в ту сторону, продолжая вертеть в руке шар и бормотать себе под нос:

— Но всё-таки что-то меня не отпускает.

— Что именно? — машинально переспросил Белфри, хотя минутой раньше мечтал мысленно

отвесить ему оплеуху.

Адриан обошёл стол и подошёл ближе. Белфри отступил на шаг. Лицо кронпринца, лишённое обычной игривости, сегодня казалось особенно резким и пугающим.

— Вчера я заговорил с принцем о династическом браке. А он посмотрел на меня вот так и заявил какую-то чушь — мол, мы ещё даже не встречаемся, разве не рано говорить о свадьбе?

Белфри изобразил немое «а?». Адриан, словно ожидая такой реакции, кивнул. Последовательность «сначала любовь, потом брак» была естественна разве что для простолюдинов и части знати, но никак не для кронпринца. А для носителей признаков, которым ещё и совместимость важна, — тем более.

— Насколько я знаю, он с детства открыто говорил, что место рядом с вами — его. Неужели теперь ему вдруг захотелось отступить? — Белфри покачал головой.

— Вот и я так подумал. Поэтому прямо сказал ему, что хочу лишь воспользоваться его телом, чтобы получить доминантного носителя признаков. И тогда...

Белфри уронил монокль, когда Адриан, подойдя почти вплотную, с каким-то странным выражением лица продолжил:

— Он начал читать мне строгую нотацию о том, что его сестра всю жизнь провела в замке и почти не общалась с мужчинами, и что такой подход — неправильный.

Насколько ошеломлён был Адриан в тот момент, знал только он сам. Причём тут вообще его сестра? Он едва сдержался, чтобы не спросить, не сошёл ли тот с ума, — уж слишком серьёзен и спокоен был принц.

— Не он сам... а сестра? — переспросил Белфри.

— Ага.

На мгновение между ними повисла тишина. Нарушил её запинаящийся Белфри:

— Т-то есть... сейчас принц считает, что объект династического брака — его сестра?

Адриан кивнул и коротко фыркнул:

— Вот я и сказал ему: «Какое бы заблуждение у вас ни было, но нужен мне именно вы».

Белфри сглотнул. Он что, не характер сменил, а просто окончательно отупел? Хотя в остальном он как раз выглядел куда более вменяемым, чем раньше.

— И... как он отреагировал?

—

— Ваше высочество!

— Он пролил чай прямо себе на штаны. Весь.

— Боже мой...

Белфри пошатнулся, и кронпринц поддержал его за талию. Придя в себя, Белфри шлёпнул Адриана по тыльной стороне ладони, а тот тут же отстранился — вовсе не желая видеть, как его молочный брат с размаху врежется виском в угол стола и отправляется к праотцам.

— Похоже, у принца что-то не так с головой.

— Вот именно что нет. В других вещах он стал подозрительно сообразительным. Когда мы обсуждаем права на добычу в горах Мочу или как лучше расшатать аристократию, у него глаза так и сверкают.

— Тогда в чём дело?

— А вот в вопросах магии и признаков — у него полная пустота.

— Пустота в магии? Человек, который ничего не понимает в магии, откуда так хорошо разбирается в ценности магических кристаллов?

Ничего не сходилось. Сам принц этого не заметил, но по дороге из Линдберга в Хенекен кронпринц понял, что тот безошибочно считывает формулы. И это неудивительно — направление записи формул отличается от общеимперского языка, да и читать их нужно иначе.

То, как принц считывал формулы и при этом издавал странное «хыт», кронпринц видел совершенно отчётливо.

— Молодой господин Хендрик, с каких пор у принца такой характер?

— Ах... это, вероятно, случилось около полугода назад. По данным разведки, тогда он потерял сознание после падения с лошади, а очнувшись, внезапно приказал остричь себе волосы и выбросить всю одежду.

Кронпринц, с трудом подавив смешок, кивнул.

— Что ж, это было верное решение. Вкусы у принца и правда были... — он не договорил.

Оба, вспомнив наряды, похожие на крылья стрекозы, в которых принц некогда появлялся на каждом приёме, синхронно схватились за виски.

— А вот его дальнейшие действия ещё примечательнее. Он стремительно сблизился с принцессой Леей, с которой раньше постоянно конфликтовал. Кроме того, было замечено, что слуги принца и фрейлины принцессы стали часто навещать друг друга.

<http://bllate.org/book/13881/1270362>